

«Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога

Т. В. Снегирева

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент и заведующая Лабораторией научных основ психологического консультирования и психотерапии Психологического института Российской академии образования

Статья посвящена анализу неоднозначного социально-психологического феномена — семейной системе без детей и в ее рамках так называемым «добровольно бездетным» семьям. Данное явление рассматривается сквозь призму исторических перемен, которые произошли на постсоветском пространстве в конце XX в. Выявляются психологические особенности супружеских отношений в указанных семьях и механизмы их устойчивости по сравнению с обычными нуклеарными семьями. Противоречивое единство отношений эмоциональной близости и отделенности (дифференцированности), а также состояния хаотической адаптации и рефлексивности свидетельствует, что опыт, который бездетная пара получает в процессе становления своей семьи, психологически более сложен, чем в семьях с детьми. Выражается озабоченность научным статусом бездетной семьи — «фигуры умолчания» в психологии. Ставится вопрос о концепции внутреннего развития семей без детей как целостности. По мнению автора, классическая теория семейного жизненного цикла утратила в современных условиях свой «универсализм» и требует переосмысления.

Ключевые слова: «добровольно бездетные» семьи, «шок» перемен, отношения, семья как система, легитимность бездетной семьи в науке, развитие, адаптация, семейный жизненный цикл.

Вводный контекст

Примерно сорок лет назад американский футуролог Элвин Тоффлер предугадал среди многих других явлений, к которым должны подготовиться сверхиндустриальные державы, возникновение в недалеком будущем семей, в которых физически и психически здоровые супруги вполне осознанно будут отказываться от счастливого бремени рождения и воспитания ребенка. Корни этого явления он видел в страхе людей перед будущим. «Футурошок», невозможность человека адаптироваться к все более нарастающему давлению событий и различного рода информации в сочетании с недостаточностью его психологических ресурсов перед лицом перемен — так определил автор недуг, которым грозит населению постиндустриальных стран грядущая эпоха.

Когда отрывки из книги Э. Тоффлера «Шок будущего» [20] появились в советских журналах, наша страна переживала период так называемого «застоя», не говоря уже о том, что она не принадлежала к постиндустриальной цивилизации. Картины будущего, нарисованные автором, представлялись фантастикой. Однако спустя чуть более десятилетия прогноз футуролога стал обнаруживать свои признаки и

в границах нашего пространства, успевшего к этому времени стать «постсоветским».

Парадокс осуществившегося пророчества заключался в том, что, сбываясь, оно одновременно опровергало чистоту экспертизы Тоффлера. Как отмечается в предисловии к вышеупомянутой книге, в котором обещанный «футурошок» рассматривается сквозь призму перемен, происшедших в конце XX в. в распавшемся СССР, дело отнюдь не в темпах жизни, навязанных технической цивилизацией. «Преображается все социальное и культурное бытие. Человек не просто включается в темп неслыханных ускорений. Он вообще катапультируется, причем многократно, в иные миры» [17, с. 9]. И далее: «Оторвите человека от родной культуры и бросьте в совершенно новое окружение, где ему придется мгновенно реагировать на множество совершенно новых представлений о времени, пространстве, труде, сексе и т. п., и вы увидите, какая поразительная растерянность овладеет им. <...> Психологическое онемение — жуткий синдром сегодняшних дней» [там же, с. 10].

Основным смыслом своей книги Тоффлер считал *диагноз*, поскольку диагноз предшествует лечению. Но размышляя о лечении «беспрецедентной болезни», выход видел не в адаптации, пассивно поспева-

ющей за событиями, а в том, чтобы предвидеть и по мере сил *создавать будущее*, подчиняя сам процесс эволюции сознательному человеческому руководству. «Чем быстрее меняется среда, тем больше интереса к будущности надо проявлять» [там же, с. 457]. Автору предисловия, проф. П. С. Гуревичу, этот рецепт кажется сомнительным.

Мне казалось важным прибегнуть к данной преамбуле, чтобы с самого начала был ясен социальный и культурный фон, который способствовал стремительному развитию явления, обозначенного в заголовке настоящей статьи, на постсоветском пространстве. Новая разновидность семьи получила здесь известность как семья с *отложенным* рождением ребенка или с *осознанным отказом* от рождения детей, в отличие от *инфертильной* семьи (от англ. *infertile* — бесплодный), лишенной детей по медицинским показаниям; на Западе новую разновидность семей называют *добровольно бездетными* (*child-free family*), в отличие от собственно бездетных (*childless*). В западных странах понадобилось два десятилетия, чтобы новое явление вылилось в широкое и весьма идеологизированное протестное движение, объединяющее отдельных людей и семьи, которых отличает принципиальное нежелание иметь детей. В наших пенатах, похоже, времени потребовалось меньше, и «движением» его вряд ли можно назвать.

Небольшая историческая справка. В Америке сообщество бездетных впервые появилось в 1992 г., когда преподаватель одной из калифорнийских средних школ Л. Лафайет создала в интернете общественную сеть Child-Free Network, объединившую 5 тысяч участников и имевшую 33 отделения по всей стране. Эти цифры свидетельствуют, что указанное движение уже имело предысторию. О темпах его роста говорят данные Национального центра статистики здравоохранения: в 1982 г. доля «добровольно бездетных» среди женщин составляла 2,4 %, в 1990 г. — 4,3, в 1995 г. — 6,6 %. По переписи 2003 г., бездетными в США являются уже свыше 40 % женщин в возрасте до 44 лет, которые отстаивают право человека на свободный выбор своего образа жизни и понимание ее смысла [16].

В России сообщество Child-free формально появилось в декабре 2004 г., когда данный термин вошел в электронную энциклопедию «Википедия». К этому времени большинство женских консультаций уже имели среди своей клиентуры молодых женщин, состоявших в браке и не планирующих в близком будущем рождение ребенка. По данным 2006 г., доля указанных семей составляла примерно 48 %.

Размышляя о корнях, на основе которых явление добровольно бездетных произошло на постсоветском пространстве, некоторые авторы связывают его масштабы с другими количественными показателями, отражающими состояние семьи в современной России [8; 23]. Сопоставление этих данных

позволяет понять, что так называемая «добровольная» бездетность — обратная сторона той деформации, которая в наибольшей степени затронула в кризисные десятилетия самые незащищенные сферы нашего общества — детство, материнство, родительство.

Анализ этой стороны дела мы вынужденно оставляем в стороне, так как он увел бы нас в сторону от задач данной статьи. Вновь возникшая разновидность семьи рассматривается нами прежде всего как относительно новая проблемная область, не только требующая изучения сама по себе, но и ставящая перед «Психологией семьи» как научной дисциплиной ряд важных и заслуживающих незамедлительного решения вопросов.

Сквозь призму устаревших схем

Приступая к исследованию, мы заинтересовались, каков статус семьи без детей в существующих отечественных классификациях типов современной семьи. Результаты анализа превзошли все ожидания. Уже самые дефиниции семьи и брака в ряде психологических и соседствующих с психологией дисциплин исходно лишают ее права на существование. В социологии главным критерием семьи, из которого вытекают все последующие более частные определения ее функций, выступает «физическое и духовное воспроизводство населения» [25]. Если семья определяется как «пространство совместной жизнедеятельности, внутри которого удовлетворяются специфические потребности людей...», то далее непременно следует: «...связанных кровными и родственными связями» [18].

Даже определение брака, выделяющее основное его предназначение как формы «социального регулирования сексуальных отношений между мужчиной и женщиной», тут же переадресовывает приоритетность данной функции все тому же «воспроизводству» населения как главному его назначению [11]. В контексте большинства предлагаемых определений фокус внимания смещается с собственно семьи на общество, интересы его самосохранения либо на культурно и исторически обусловленные механизмы социального регулирования супружеских и родительских отношений, конвенциональную или социальную форму отношений и пр. Такое смещение обедняет функции даже обычной ядерной семьи, что касается семей без детей, то они попадают в число «неправильных пчел» (А. Милн), в существовании которых отсутствует всякая социальная необходимость, а раз так, то, как видно, нет нужды и выделять их наличие как особой разновидности семьи.

Психологические критерии, на основании которых строятся дефиниции брака и семьи и определяются их функции, шире социологических. Однако заданный принцип, согласно которому основная функция семьи — физическое и духовное воспроизводство населения, сохраняет свою силу и в психо-

логии. Сопоставление семей с детьми и без детей по ряду функций, присущих семье как «ячейке общества», приводит к выводу, что, за исключением репродуктивного и воспитательского предназначения, семья без детей во всех других отношениях не уступает семьям с детьми. Тем не менее с учетом главного их «ущерба» они попадают в разряд дисфункциональных (по классификации, предложенной петербургскими психологами, которые выделяют *нормально функционирующие* семьи и *дисфункциональные*) или «зависают» в неопределенности, не отвечая полностью критериям ни нормально функционирующей семьи, ни дисфункциональной [26]. По классификации В. Н. Дружинина, предлагающего расположить исследовательские подходы к семье на двух условных шкалах (*нормальная — аномальная и идеальная — реальная*), семья без детей попадает в разряд аномальных, поскольку в ее ролевом пространстве отсутствуют фигуры отца и матери и, как следствие, она лишена важных функций воспитания и социализации детей [10].

Уже на основании только этих фактов можно констатировать разрыв, образовавшийся между реальностью современной семьи, стихийно формирующейся на российских просторах последних десятилетий, и ее устаревшим отражением в зеркале психологической науки.

Известно, что всякий кризис влечет за собой не только разрушительные последствия, но и скрытый созидательный потенциал. Конечно, семьи с отложенным рождением ребенка в подавляющем большинстве случаев сложились не от хорошей жизни. Но «возраст» большинства семей, составивших нашу целевую группу, перевалил за пятилетнюю черту, в ряде других случаев он еще выше. Каковы механизмы «выживаемости» этих «дисфункциональных» семей? В чем секрет устойчивости супружеских отношений в условиях отсутствия главного их «стабилизатора», в роли которого в обычных семьях, как правило, выступает ребенок? Изучение семей данного типа способно дать ответы на эти вопросы, что, возможно, позволит также расширить критерии, на основе которых вырабатываются дефиниции семьи и брака. Возникает также вопрос относительно критериев внутреннего развития подобной семьи как системы. Отсутствие ребенка лишает их классических стадий семейного жизненного цикла, приуроченных, главным образом, к рождению и взрослению детей.

Материалы, на основе которых построена настоящая статья, имеют двухслойную структуру. Первый слой содержит данные эмпирического исследования, посвященного изучению психологических особенностей супружеских отношений в семье без детей, и непосредственно вытекающие из них выводы*; второй отражает тот дискуссионный теоретический фон, который постоянно всплывал по мере обобщения эмпирических данных указан-

ного исследования. Не будучи непосредственно связанным с содержанием последнего, он настойчиво ставил под вопрос некоторые традиционные конструкты развитые в рамках дисциплин «Семейной психологии» и «Системной семейной психотерапии».

Сами по себе полученные результаты, на наш взгляд, также содержат немало неожиданного. Ниже они в краткой форме выносятся на суд читателя.

Эмпирическое исследование

Объект исследования — семья без детей как системный психологический феномен, его **предмет** — психологические особенности отношений супругов в семейной системе без детей.

Методология исследования соединяет две, казалось бы, далекие друг от друга научные традиции: концепцию отношений, сложившуюся в отечественной психологии (В. Н. Мясищев), и теоретический контекст системного подхода [2; 12], в частности — системной семейной психотерапии [3; 6; 14; 15]. На наш взгляд, они не только не противоречат, но успешно дополняют друг друга. Благодаря такому сочетанию, психологические особенности супружеских *отношений*, выступавших в исследовании в качестве единицы анализа, нашли отчетливое выражение в основных параметрах семьи как *системы* (ее структурных характеристиках, функциях, ролевых ценностях и смысловых установках членов семьи). Данный подход позволил выявить специфику психологических особенностей отношений в семье без детей как несколько иной, сравнительно с обычной ядерной семьей, целостности.

Основная **гипотеза** сводится к предположению, что в процессе своей жизнедеятельности семья без детей спонтанно вырабатывает некую оптимальную модель психологических отношений, которая компенсирует (подтверждаемую в ряде источников) неустойчивость супружеской диады как структуры (см., напр.: [29, с. 11]). В частности, психологические особенности отношений в данных семьях предположительно характеризуются специфическим сочетанием эмоциональной близости и отдаленности (дифференцированности) [3; 7].

Метод

В обследовании приняли участие 60 русских супружеских пар (120 человек), не имеющих детей, состоящих в первом браке; не имевших детей до вступления в брак и проживших вместе пять и более лет. Они составили *целевую* выборку. В *контрольную*, или *сравнительную* (*comparison group*), —

* В основу этой части легли результаты кандидатской диссертации Т. А. Хабалашвили «Психологические особенности отношений в семейной системе без детей» [24], выполненной под руководством автора настоящей статьи.

вошли 60 русских супружеских пар (также 120 человек), проживших вместе пять и более лет и имеющих от одного до трех детей. Работа протекала в консультативном режиме, индивидуально с каждым из участников, а также в ряде случаев с супружеской парой.

Когда уже был собран основной массив эмпирических данных, возникла идея сопоставления результатов, характеризующих инфертильные семьи, с одной стороны, и добровольно бездетные, с другой. С этой целью из целевой выборки была выделена 21 семья, где супруги не могли иметь детей по медицинским показаниям. Методом случайного выбора, с соблюдением соответствия по единственному критерию — возрасту брака, из оставшейся части выборки была отобрана также 21 семья с отложенным рождением ребенка.

Исследование проводилось в городах Усть-Каменогорске, Риддере и Семипалатинске (Республика Казахстан), в 2004—2007 гг. Экспериментальной базой служили семейные амбулатории и женские консультации.

Применялась совокупность *методик*, адаптированных к задачам работы.

1. Опросник «*Шкала семейной адаптации и сплоченности*» — FACES-3 (Д.Х. Олсон, Дж. Портнер, И. Лави), предназначенный для изучения структурных характеристик семьи.

Согласно замыслу данного опросника, структурные характеристики семьи выступают в двух измерениях — *сплоченности* и *адаптации*, каждое из которых представлено четырьмя уровнями. В сплоченности различаются *разобщенный, раздельный, связанный и сцепленный ее уровни; в адаптации — ригидный, структурный, гибкий и хаотический*. Сочетание крайних вариантов этих измерений указывает на дисфункциональность (несбалансированный тип семьи), а двух средних — на функциональность семейной системы (сбалансированный тип); совмещение противоречивых показателей расценивается как средняя сбалансированность. В итоге образуется 16 парных сочетаний, способных характеризовать разные типы семейной системы. Кроме того, каждое из измерений выступает в двух видах: как характеристика *реальной* семьи и как ее желаемого *идеального* образа.

В статистических подсчетах в качестве баллов выступали кодовые значения уровней сплоченности и типов адаптации (от 1 до 4).

2. Методика «*Рольевые ожидания и притязания в браке*» (А. Н. Волкова), позволяющая выявить особенности функционально-ролевого взаимодействия супругов, а также их функциональные ценности, и уточнить представления супругов о степени субъективной значимости для каждого члена семьи различных аспектов семейной жизни.

3. Методика *предельных смыслов* (Д. А. Леонтьев), диагностирующая смысловые структуры членов семьи, в частности субъективный смысл наличия самой их семьи. Она содержит три индикатора: децен-

трации, рефлексивности и негативности.

Индекс децентрации определяется как удельный вес категорий, свидетельствующих, что человек рассматривает свою жизнь в контексте жизни других и взаимосвязи с ними, либо, напротив, акцентируется собственное Я субъекта, выступающее как абсолютный смысловой центр его жизни.

Индекс рефлексивности интерпретируется как осознание собственного опыта и присущих ему особенностей, а также как относительная развитость внутреннего мира.

Индекс негативности выражает гомеостатическую ориентацию личности, склонность к избеганию нежелательных ситуаций и ограничению активности, которая не обусловлена ситуативной необходимостью.

4. Методика «*Линия жизни*» (М. D. Stanton), с помощью которой выявлялись значимые события семейной истории, косвенным образом отражающие психологические особенности отношений в семье.

Математико-статистическая обработка данных производилась с помощью χ^2 -Пирсона (программы SPSS и Excel).

Результаты

1. «*Шкала семейной адаптации и сплоченности*»

При оценке респондентами реального состояния своих семей по параметру сплоченности статистически значимые различия между контрольной и целевой выборками обнаружены в отношении *раздельного* ($p < 0,05$) и *разобщенного* ($p < 0,05$) видов сплоченности (с превосходством по этим показателям — целевой выборки), а также по параметру *связанности* ($p < 0,001$) — с превосходством контрольной выборки.

Идеальный образ семьи бездетные супруги также связывают прежде всего с *раздельным* типом сплоченности, отчасти даже и с *разобщенным*, существенно превосходя в этом отношении контрольную выборку ($p < 0,01$). Обычные семьи, характеризуя воображаемую идеальную семью, делят приоритет между *связанным* и *раздельным* типами сплоченности. Однако в отношении предпочтения последнего они все же уступают бездетным, тогда как по параметру связанности существенно превосходят их ($p < 0,001$).

По-разному представители той и другой выборок характеризуют и характер общесемейной *адаптации*. Если в контрольной выборке в выраженной форме представлены три ее вида: *структурный, гибкий и хаотичный*, причем два первых существенно преобладают на фоне целевой выборки (различия на уровне $p < 0,01$ и $0,001$), то в последней с большим преимуществом представлен лишь ее *хаотичный* вид ($p < 0,001$).

В *идеальных* представлениях о семейной адаптации большинство представителей обеих выборок от-

дают предпочтение хаотическому ее типу, хотя семьи без детей существенно опережают в этом отношении семьи с детьми ($p < 0,01$)*.

2. Методика «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП)

Статистически значимые различия при сравнении функциональных ценностей, которым отдают свои предпочтения супружеские пары без детей и с детьми, установлены в отношении прежде всего *социальной активности* ($p < 0,001$) и *эмоционально-психотерапевтической функции* ($p < 0,01$), в большей степени характерных для целевой выборки. В то же время *родительско-воспитательная функция*, а также *ценность внешней привлекательности* супруга/супруги более выражены в *контрольной* выборке (достоверность различий, соответственно: $p < 0,01$ и $p < 0,05$). Можно думать, что различие в акцентах (там, где в семье наличествуют дети, ценность социальной активности в глазах супругов несколько снижается, а там, где нет детей, напротив, возрастает), указывает на компенсаторную роль, которую функция социальной и профессиональной активности выполняет в семьях без детей. В обеих выборках *личностная идентификация с партнером* одинаково входит по своей значимости в первую тройку функциональных ценностей. Как в контрольной, так и, особенно, в целевой группе снижена субъективная значимость интимно-сексуальной функции (при сохранении различий между выборками: $p < 0,05$)**.

3. Методика *Предельных смыслов*

Полученные результаты свидетельствуют, что *децентрация* в равной мере присуща семьям как с детьми, так и без них. *Рефлексивность* в семьях без детей значительно превышает тот же индекс в семьях с детьми ($p < 0,01$), тогда как *негативность*, напротив, достоверно выше в последних ($p < 0,001$).

4. Методика «*Линия жизни*»

Качественная обработка данных методики показала в *целевой* выборке достаточно равномерное распределение значимых событий в границах длительности брака. В *семьях с детьми* можно отметить две отличительные особенности: а) большую концентрацию значимых событий на первых стадиях семейного жизненного цикла и значительное их снижение на последующих; б) скопление значимых событий в точках временной оси, связанных прежде всего с рождением, ростом и воспитанием детей. В обоих типах семейных систем значимые события, обозначенные мужем и женой, в основном совпадали.

Надо заметить, что на линии жизни семей как без детей, так и с детьми в качестве значимых событий чаще отмечаются действия, отражающие динамику внутрисемейных *отношений*, однако в целевой выборке это преобладание носит более выраженный характер ($p < 0,05$). В семьях с детьми по сравнению с бездетными, значимо преобладают действия материальной направленности ($p < 0,001$).

В завершение эмпирического исследования была сделана попытка определить, насколько целевая выборка, соединяющая, как уже говорилось, *инфертильные* семьи (группа А) и *супружеские пары с отложенным рождением ребенка* (группа Б), внутренне однородна по своим психологическим особенностям. Численность выборок соответственно — 21 (группа А) и 39 (группа Б) семей. Значимость различий определялась с помощью непараметрического критерия χ^2 -Пирсона.

Статистическая обработка полученных данных выявила существенные различия лишь по одному показателю — жизненным событиям, связанным с материальными приобретениями и обозначенным как *материальные действия* (методика «Линия жизни»). В *инфертильных* семьях (группа А) эта группа действий выражена с *тремякратным* превосходством по своей частоте ($p < 0,01$).

Был также проведен дополнительный сравнительный анализ иерархической структуры функционально-ролевых ценностей в указанных группах. Триада ведущих ценностей — *эмоционально-психотерапевтическая функция*, *социальная активность* и *личностная идентификация с супругом* — в обеих группах остается постоянной, т. е. выраженной с одинаковой силой, что позволяет расценивать выборку как принципиально однородную.

Обсуждение

Основным результатом проведенного исследования можно считать определение психологических особенностей отношений супругов в семьях, где по причинам разного свойства исходно не имеется детей. Полученные результаты убеждают, что по сравнению с полными семьями семьи данного в ходе своего развития типа спонтанно приходят к особой модели супружества***.

Специфика семей без детей выражается прежде всего в сочетании двух разных векторов активности,

* Возможно, данная особенность обусловлена не только структурой семьи, но и обстоятельствами места и времени, в которых одинаково пребывают и обе наши выборки (время — перестроечное, пространство — мигрирующего населения, хотя и в значительно меньших масштабах, чем в других республиках бывшего СССР).

** К сожалению, ввиду не вполне корректной формулировки соответствующих утверждений опросника имеются основания для сомнений, насколько ответы респондентов соответствуют реальному положению дел, а не являются реакцией на эту некорректность (так, один из пунктов гласит: «Сексуальные отношения — главное в отношениях мужа и жены»). Тем не менее сохраняется возможность и реальной фрустрации данной функции в целевой выборке: на бессознательном уровне она связана для супругов с рождением ребенка, а его появление на свет представляет для родителей серьезную проблему.

*** Конечно, можно было бы представить результаты обеих выборок, целевой и контрольной, в виде континуума, что позволило бы увидеть в «семье с детьми» — отдельные черты «семьи без детей», и наоборот. Но тема работы заставила отказаться от этой интересной задачи. Надеюсь, что тем самым у читателя не создается впечатления, что мы противопоставляем две эти разновидности семьи или даже «апологетизируем» бездетные супружеские пары.

один из которых направлен внутрь семьи (семья как источник взаимной поддержки, взаимного понимания и личностного подтверждения), другой — вовне, из семьи в социум (значимость для обоих супругов профессиональной занятости и социальной активности). Указанная специфика характеризует обе подгруппы целевой выборки, отличая иерархию ее *функционально-ролевых ценностей* от таковой в контрольной выборке, где ценности в большей степени локализируются целиком на семье: ведущая роль, помимо личностной идентификации с партнером по браку, отводится родительско-воспитательной функции, а вслед за этим — внешней привлекательности супруга /супруги*.

Структурные характеристики семейной системы без детей также обладают выраженной спецификой. По параметру *сплоченность* это проявляется в следующем: в то время как семьи с детьми более сплочены, в некоторых случаях вплоть до состояния зависимости друг от друга (сцепленный тип сплоченности), семейной системе без детей присуща относительная взаимная дистанцированность супругов (раздельный вид сплоченности). Даже в своих идеальных представлениях о семье они в большинстве случаев сохраняют приверженность данному типу сплоченности. Другими словами, супругов устраивает степень эмоциональной близости, не переходящей в слияние и зависимость друг от друга.

Вторая структурная особенность семьи без детей — *хаотичный* тип адаптации (лидерские функции чаще всего разделены между супругами или принимаются каждым из них попеременно, а порой и совместно; жесткие, закрепленные по определенному признаку — скажем, половому или возрастному — функционально-ролевые предпочтения отсутствуют). Надо заметить, что к хаотическому типу адаптации тяготеют и ядерные семьи, все же значительно отставая в этом отношении от бездетных.

Смысловое поле семей, представляющих целевую и контрольную выборки, также существенно различается по содержанию. В семьях с детьми оно подчинено главным образом поиску действий, позволяющих избежать негативные переживания или предупредить нежелательные события (индекс *негативности*); в семьях без детей — характеризуется преобладанием размышлений супругов над приобретенным опытом, складывающимися между ними отношениями и текущими событиями их жизни (индекс *рефлексивности*).

Согласно принципам системного подхода, семейная система бессознательно любой ценой стремится

к постоянству и поддержанию равновесия путем снижения напряжения (принцип гомеостаза). Повышенная рефлексивность позволяет высвободиться от стремления обрести стабильность по данному типу. Можно предположить, что благодаря высокой рефлексивности партнеров по браку присущая семьям без детей хаотическая адаптация лишается своей дисфункциональности, приобретая способность выступать в качестве носителя позитивного адаптивного ресурса.

Одновременно и раздельный тип сплоченности в сочетании с эмоционально-психотерапевтической функцией, а также идентификацией с личностью партнера образует такое диалектическое единство близости и отделенности (дифференцированности, по М. Боуэну), которое по праву считается оптимальной формой внутренней диалектики супружеских отношений [3; 7].

Преобладающими значимыми событиями в семейных системах как без детей, так и с детьми выступают *действия, отражающие динамику отношений*. Однако между выборками существует разница в содержательном наполнении этой категории. В семьях без детей сильнее выражена направленность на построение именно супружеских отношений, тогда как в полных семьях она насыщена событиями, связанными в основном с детьми, что нередко выводит супружеские отношения из сферы значимости. Кроме того, по сравнению с целевой выборкой в контрольной существенно чаще в качестве значимых событий жизни выступают действия, направленные на материальные приобретения и укрепление экономической базы семьи**.

Можно сделать вывод, что опыт, который получает бездетная пара в процессе становления своей семьи, по-своему психологически более сложен, чем в семьях с детьми, где существует такой «стабилизатор» супружеских отношений, как ребенок [5; 27; 28]. В пользу этого говорит, как уже указывалось выше, характер отношений, которые отличает противоречивое единство качеств близости и отделенности, а также сочетание адаптации хаотического типа и рефлексивности. Супруги преодолевают возникшие трудности, центрируясь на своих отношениях, и достигают внутреннего порядка, порой выходя за пределы устойчивых состояний. Если бы смыслом существования диадной семьи оказалась гомеостатическая направленность и избегание потенциальных опасностей, то будучи бездетной, она, скорее всего, была бы обречена на распад, ибо рано или поздно сила деструктивной мотивации сошла бы на нет.

* Здесь следует вспомнить, что обе выборки объединяет общая черта: снижение значимости интимно-сексуальных отношений, хотя в целевой выборке эта тенденция выражена значительно сильнее. При этом в иерархии функционально-ролевых ценностей социальная активность в целевой выборке и родительско-воспитательная в контрольной занимают равное по значимости место. Это позволило нам выдвинуть предположение о компенсаторной роли, которую частично может выполнять профессиональная и социальная активность в жизни супружеской пары без детей.

** Это преобладание столь значительно, что оно нейтрализует наличие различий по данному параметру в самой экспериментальной выборке: как уже отмечалось выше, единственный признак, который делит ее на две подгруппы, — достоверно более выраженная в подгруппе «инфертильных» значимость материальных приобретений и укрепления экономической базы семьи.

Вместе с тем можно считать, что подобной спецификой своих отношений супружеская диада в конечном счете обязана именно критическим условиям, поразившим все наше общество и побуждающим ее к выбору способа жизни, позволяющего достойным образом выстоять в этих условиях. Не исключено, что когда жизнь стабилизируется, они окажутся перед необходимостью поиска нового «стабилизатора» их отношений, в роли которого, как показывает опыт, выступает ребенок.

Институт семьи и тенденции современного мира

О добровольно бездетных семьях случается слышать самые разные мнения. Одни в полусерьезную — полувсерьез называют их «семьями с ограниченными возможностями»; другие с ноткой уважения в голосе характеризуют как семьи, доказавшие свою способность на ответственный выбор в условиях, когда тотальная нестабильность грозила превысить защитные и восстановительные ресурсы как каждого отдельного человека, так и семьи. Семья без детей — жупел для демографов, ибо выступает в их глазах главным носителем тенденции падения рождаемости, охватившей в канун нового века все постсоветское пространство, включая и Россию. Перед глазами невольно возникает знаменитая графическая конфигурация, названная «русским крестом», где две кривые, встретившись в одной временной точке, далее стремительно расходятся: одна по кривой устремилась вверх — смертность, другая, также по кривой, ринулась вниз — рождаемость. Этот процесс начался в начале 90-х и достиг кульминации к 2005 г. С тех пор положение несколько выправилось. Второй год родившихся младенцев больше, чем покинувших этот свет. Но уже с будущего года, силой все того же демографического фактора (сокращение населения детородного возраста) их число снова начнет медленно снижаться...

Однако в США не было ни «перестройки», ни снижения качества жизни, ощутимого для большинства населения страны, а, как указывалось в начале данной статьи, движение добровольно бездетных приобрело невиданный размах. И никому не приходит в голову называть их «семьями с ограниченными возможностями», ибо они таковыми не являются. Что бы это значило?

Оценка явления добровольно бездетных семей может оказаться сильно искаженной, если оно будет рассматриваться вне контекста перемен, которые переживает в ряде стран современного мира основная разновидность семьи — *ядерная*, или *нуклеарная*, ее форма, на которой держится весь институт семьи и все определения семьи и брака. Я снова вынужденно обращаюсь к Э. Тоффлеру и осуществленному им анализу тех изменений, которые достигли традиционную американскую семью при пе-

реходе от индустриального к постиндустриальному обществу [21]. Приведенные автором цифры несколько устарели, но время не лишило их убедительности. «Если мы определим нуклеарную семью как работающего мужа, ведущую хозяйство жену и двух детей и зададим вопрос, много ли американцев в настоящее время еще живет в семье такого типа, ответ может показаться удивительным: 7 % всего населения Соединенных Штатов. <...> Если даже мы расширим наше определение, что позволит включить семьи, в которых оба супруга работают или в которых больше или меньше двух детей, мы обнаружим, что огромное большинство — от двух третей до трех четвертей населения — живет вне рамок нуклеарной семьи. Более того, все свидетельствует о том, что количество нуклеарных семей продолжает уменьшаться, а число других типов семей быстро растет» [там же, с. 347]. Несколькими страницами ранее он заметил: «... Когда развод, раздельное проживание и другие формы развала семьи охватывают миллионы людей во многих странах, нелепо было бы думать, что причины этого носят чисто личностный характер. Распад семьи сегодня является на деле *частью общего кризиса*» [там же, с. 342].

Таким образом, «добровольно бездетные» попадают в широкое сообщество разновидностей семьи, которыми богат современный ее институт (семьи с одним родителем; многообразные по своей структуре повторные браки; гражданские браки, столь распространенные ныне в молодежной среде; семьи с раздельным проживанием партнеров; гомосексуальные семьи и т. д. и т. п.).

Переживаемые мировым сообществом процессы, трансформирующие современный институт семьи, значительно расширили *дефиниции* семьи. Вот лишь один из примеров, как она определялась американскими исследователями на рубеже смены веков: «... семьей следует считать любое объединение людей, которое определяет себя в качестве семьи и включает индивидов, связанных кровно-родственными связями или браком, а также тех, которые приняли решение разделить свои жизни друг с другом. Это определение включает в себя как «традиционную» нуклеарную семью, так и другие стили жизни, варьирующие от расширенной семьи и системы родственных связей до семьи с одним родителем и живущих вместе партнеров одного пола. Ключевые элементы определения семьи состоят в том, что ее члены рассматривают себя как семью, испытывающую *взаимное тяготение (аффилиацию)* и посвящают себя *заботе друг о друге*» [29 — цит. по: 17].

Близкие по смыслу идеи высказал в свое время и А. Б. Орлов. Он выдвинул гипотезу о *самодетерминации* современной семьи, тенденция развития которой определяется пересмотром традиционной для советской семьи — социальной — ориентации и замены ее на некую другую, по его словам, «пока еще плохо отрефлексированную, плохо осознаваемую» [17]. С достаточной уверенностью можно лишь ска-

зять, что «семья пребывает в состоянии неосознаваемого поиска своего *человекоцентрированного* статуса». Соответственно, рассматриваются коммуникативные установки, гипотетически присущие социо- и человекоцентрированным семьям. Последним, в частности, свойственны *безусловное принятие* другого (общение имеет коммуникативную семантику типа «Ты свободен», «Ты мне интересен», «Я тебя люблю»); *эмпатия* как состояние, характерное для эмоциональных связей между членами семьи, и пр.

Таковы исторически обусловленные тенденции, охватившие институт семьи во всех развитых странах. «Добровольно бездетные» — одна из составляющих этих общих процессов. Но, конечно, специфика пережитых нашей страной мощных макросоциальных перемен не могла не наложить на них свой особый отпечаток. И след этого воздействия не однозначен.

Шок перемен

Известная исследовательница материнства социолог Нэнси Чодороу в свое время указала на одну закономерность [22], о которой сейчас уместно вспомнить. Изучая те «напряжения и трения», которые подрывают систему «пола/гендера», она пришла к заключению, что конкретные их проявления зависят как от внутренних причин, накладывающих отпечаток на развитие данной системы, так и от внешних. «В особые исторические периоды, — заключает Чодороу, — внутренние противоречия системы «пола/гендера» сливаются с внешними обстоятельствами» [там же, с. 249]. В частности, как она утверждает, это может проявиться в изменении типа репродуктивного поведения поколений, находящихся в детородном возрасте.

И действительно, с одной стороны, исследования последних лет подтверждают, что за время постперестроечного периода выросло целое поколение молодых россиян, в умах которых успели утвердиться новые культурные стандарты. Так, по сравнительно недавним данным одного из отечественных исследователей семьи Т. А. Гурко, в среднем всего лишь около трети российских респондентов (27–30 %) выражают согласие с утверждением, что каждая женщина должна стать матерью. По мнению несколько большего их числа (40 %), те супруги, которые пришли к сознательному отказу от рождения ребенка, заслуживают понимания и не должны подвергаться осуждению со стороны общества (цит. по: [8])*.

С другой стороны, сложившаяся в стране экстремальная ситуация, которая коснулась огромного

количества семей, вызвала к жизни доселе не столь часто акцентируемую внутрисемейную функцию: *интеграцию семьи с целью выживания*. В пользу данного вывода, на наш взгляд, и говорят данные, характеризующие семьи, ставшие участниками эмпирического исследования, материалы которого были представлены выше. Причем он распространяется одинаково на семьи как с детьми, так и без детей, хотя «курс», взятый ими в процессе самодетерминации, пути внутрисемейной консолидации в том и другом случае, в чем-то совпадая, оказались разными.

Адаптивная модель, спонтанно сформировавшаяся в супружеских парах без детей, заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, супруги доказали жизнеспособность своего диадического союза вопреки утвердившемуся в теории семейной психотерапии мнению о неустойчивости и нежизнеспособности диады как системы [30]. Во-вторых, с очевидностью выступили факторы, парадоксальным образом позволяющие данному типу семьи достигать известной стабильности. Как мы видели, в ряде случаев супруги выходили за рамки устойчивых состояний (хаотическая адаптация, разделенный тип сплоченности), компенсируя это в одних случаях рефлексией своего опыта, в других — эмоциональной поддержкой друг друга и взаимным личностным подтверждением.

Еще раз подчеркну, что данные результаты, скорее всего, следует расценивать не как абсолютные характеристики, присущие ядерным и диадным семьям, а в значительной степени — как реакцию на вызовы экстремальной реальности. Тем не менее они позволяют сделать следующий шаг в нашем рассуждении. Масштабы метаморфоз, затронувших институт семьи, возвращают нас в доминион семейной психологии как научной дисциплины и тесно связанной с нею системной семейной психотерапии, поскольку порой наносят удар по самым основам воздвигнутого ими теоретического знания.

Карта и территория

Если отправляться от выводов Э. Тоффлера относительно возрастающего многообразия форм семьи в современном мире, на фоне которого традиционная ядерная семья становится лишь одной из них, мы закономерно столкнемся — как с *анахронизмом* — с центральным концептом семейной психологии и системной семейной психотерапии: так называемым «жизненным циклом семьи», воплощающим идею внутрисемейного развития. Он представлен серией сменяющих друг друга этапов развития семьи, по-

* Здесь можно было бы привести ссылки на внушительный комплекс цифр и фактов, которыми делились участники, ряда документов [13], и сравнительно недавних «круглых столов», посвященных теме демографического кризиса в России и на постсоветском пространстве. Так, например, по данным 2003–2005 гг., 65 % российских женщин заявляли о своей неготовности заводить детей. Блестящий анализ демографической проблемы с опорой на тщательно выверенные фактические данные сделал на «круглом столе», состоявшемся в Государственной думе (апрель 2003 г.), владыка Кирилл. Рамки статьи вынуждают нас отказаться от анализа приведенных докладчиком данных, а также динамики стоящих за ними процессов и породивших их социальных предпосылок.

давливающая часть которых, а также переходов от каждого из этих этапов к другому «привязаны» к событиям рождения детей и стадий их психического развития. Динамика самих супружеских отношений отступает в тень перед значимостью этих событий. До сего дня данной концепции придается значение некой универсальной «карты». Между тем, попытки применения последней к реальной «территории» современной семьи все чаще оборачиваются подлинным тупиком для целого ряда ее форм, ибо классическое представление о развитии не затрагивает реальности этих семей, остается «внешним», заданной извне схемой. Нет «этапов», нет и развития — нам приходится слышать и такой аргумент в адрес семей без детей. Узость концептуального мышления, оставаясь вне рефлексии, заставляет приписывать им некое статистическое состояние «застывания» на первом этапе становления семьи (самого ее зарождения и начальных проявлений адаптации супругов друг к другу), сколь ни абсурдна подобное допущение.

Но какие же тогда основания способны определять развитие такой семьи, как семья без детей?

Вспомним идею, уже обсуждавшуюся в психологической литературе в связи с опытом, который человек получает в семейных отношениях. Она раскрывалась не в терминах классических этапов жизненного цикла семьи с их психологической конкретикой, а на языке онтологической категории, которая незримо стоит за всем этим, не будучи упомянутой, — категории *Другого* [19]. Ту «неслышанную близость», с которой мы подходим к этому «персонажу» в семье, С.С. Аверинцев определил как едва ли не главную трудность семейной жизни, но трудность *благословенную* [1]. Он, конечно, не благословлял семьи без детей, но и не предавал их анафеме. Христианский взгляд на вещи, подчеркивает автор свою основную мысль, учит *искать Бога* прежде всего в *Ближнем*: «абсолютную инаковость в относительной инаковости Другого, взыскательность Бога — во взыскательности Ближнего». «... Что не сделано для Бога *во времени*, то не сделано для Бога *в вечности*» [там же, с. 36].

Указанная категория открывает пути к пониманию тайны развития супружеской диады как целостности.

В этой статье не раз отмечалось, что модель семьи, характеризующая наши бездетные пары, не была заведомо сконструирована в качестве оптимального варианта, который более всего соответствует ее диадной структуре. Эта модель явилась результатом самодетерминации семьи в ходе ее *спонтанной адаптации* к определенным жизненным условиям.

Казалось бы, понятие *адаптации* противоположно *развитию*. Но, как видно, существенное значение имеет то, о какой адаптации идет речь. Если в процессе адаптации к окружающему миру самый мир остается неизменным, то в условиях взаимодействия двух людей та же адаптация сопровождается амплификацией каждого ее активного проявления. Приспособление к близкому «другому» требует напря-

женной внутренней работы — понимания, что он *другой*, принятия его в этой «другости», все большего проникновения в его личность, радости даяния, готовности к собственному изменению. Вся целостная ситуация взаимоотношений в этом взаимодействии приобретает иной характер, вызывая ответные изменения в каждом из его участников. Можно предположить, что такая «адаптация» начинает выступать трансформирующей предпосылкой и формой отношений в супружеской паре.

В своем пределе понятие *другой* это невидимый глазу «арочный проход» в иную реальность, где, говоря словами Мартина Бубера, открывается виртуальная *Третья* сфера, названная так потому, что она локализована не столько во внутренней жизни каждого из, в нашем случае, супругов и не в объемлющем их мире всеобщего, а *между* ними, в постоянной динамической двойственности построения их отношений [4, с. 155]. Созидает же ее центральное присутствие *Ты*. Терминологическую пару Я-Ты иерусалимский философ называет «основным словом», которое может быть сказано лишь «всем существом»: «Я становлюсь собой лишь через мое отношение к *Ты*». Отношение это всегда взаимность: «*Мое Ты* воздействует на меня, как я воздействую на него» [там же, с. 11–13].

Рассматривая взаимность Я-Ты как ядро значимых отношений, Бубер задается вопросом, может ли взаимность такого уровня сохранять свое постоянство. И не без возвышенной печали заключает, что полная взаимность как константа не свойственна совместной жизни людей, в том числе и партнерам по браку. «Она — Благодать, <...> которую никогда не получают как нечто гарантированное». В лучшем случае это отношение длится в «*чередовании актуальности и латентности*» и может быть понято лишь динамически, как «колебание Я в его тоске по истине» [там же, с. 40]. Но только благодаря способности к отношению данного уровня человек может действительно «жить в Духе», т. е. действительно жить.

В той же степени, в какой потребность в *Другом*, потребность в *Отношении* получает, по убеждению М. Бубера, адекватное истолкование только в понятиях онтологии. Онтологический статус придается и диалогическому принципу. Поиск диалога выступает в его системе как нечто, присущее природе человека. Настоящий диалог — один из примеров истинного «между», суть которого реализуется не в том или в другом участнике и не в том реальном мире, в котором те пребывают «наряду с вещами», но между ними обоими, «словно в некоем, им доступном измерении» [с. 154].

Философская система М. Бубера предоставляет нам предельные критерии, приближение к которым может стать смыслом психологической работы с супружескими парами. Она создает ту перспективу Событий-отношений, в которой супружеские взаимоотношения могут рассматриваться в терминах развития.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Московский психотерапевтический журнал. 2004. № 4.
2. *Бейтсон Г.* Экология разума. М., 2000.
3. *Боуэн М.* О дифференциации «Я» // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 2.
4. *Бубер М.* Я и Ты. М., 1993.
5. *Варга А. Я.* Системная семейная психотерапия. М., 2001.
6. *Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций. М., 2000.
7. *Витакер К.* Полночные размышления семейного терапевта. М., 1998.
8. *Гедуева Л. А.* Социокультурная адаптация российской молодежи к социальным рискам в современной России: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2007.
9. *Голод С. И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.
10. *Дружинин В. Н.* Психология семьи. М., 1996.
11. *Ковалев С. В.* Проблемы современной семьи. М., 1989.
12. *Ломов Б. Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды / Б. Ф. Ломов; под ред. В. А. Барбанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.; Воронеж, 2003.
13. Методологические подходы к формированию государственной политики снижения сверхсмертности и укрепления репродуктивного здоровья. [www.uva0.ru / Demografia/Stol3](http://www.uva0.ru/Demografia/Stol3).
14. *Маданес К.* Стратегическая семейная психотерапия. М., 1999.
15. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной психотерапии. М., 1998.
16. Омский форум ру-чайлдфри; <http://ru.wikipedia.org>
17. *Орлов А. Б.* Эволюция межличностных отношений в семье: основные подходы, ориентации и тенденции // Magister. 1996. № 1.
18. Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. Н. Н. Посысоева. М., 2004.
19. *Снегирева Т. В.* «Другой» как опыт духовности // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. Вып. 1. Гуманитарные исследования в психотерапии. М., 2007.
20. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2008.
21. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2003.
22. *Чодороу Н.* Воспроизводство материнства. М., 2006.
23. *Шикун А. Ф., Шикун А. А.* Кризис семьи. <http://www.veche.tver.ru/index.shtm?news=11467>.
24. *Хабалашвили Т. А.* Психологические особенности отношений в семейной системе без детей: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.
25. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979.
26. *Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В.* Психология и психотерапия семьи. 3-е изд. СПб., 2002.
27. *Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия: Учебн. пособие для врачей и психологов. СПб., 2003.
28. *Bowen M.* Family Therapy in Clinical Practice. N. Y., 1978.
29. *Hanson M., Lynch E.* Family diversity: implications for policy and practice // Topics in early childhood special education. 1992. V. 12 (3).
30. *Titelman P.* (ed.). Clinical Applications of Bowen Family Systems Theory. N. Y.; London, 1998.

«Voluntary Childlessness» Family through the Eyes of a Family Psychologist

T. V. Snegireva

Ph.D. in Psychology, Senior Research Fellow, Associate Professor, Head of the Laboratory of Scientific Bases of Psychological Counseling and Psychotherapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education

The paper analyzes the controversial socio-psychological phenomenon – the family system without children and, within it, the so-called 'voluntarily childless' families. This phenomenon is viewed through the prism of historical changes that have occurred in the former Soviet Union in the late twentieth century. The psychological characteristics of marital relations in these families and mechanisms of stability are discussed and compared with conventional nuclear families. The contradictory unity of the relationship between emotional closeness and separateness (differentiation) as well as the state of chaotic adaptation and reflexivity suggests that the experience that a childless couple gets in the process of the family establishment, psychologically is more complex than in families with children. Concern for the scientific status of a childless family in psychology – «the figure of silence» – is expressed. The question about the concept of the internal development of a family without children as a whole is raised. According to the author, the classical theory of family life cycle has lost its «universality» in the modern conditions and requires rethinking.

Keywords: «voluntarily childless» families, «shock» of change, relationships, family as a system, the legitimacy of childless families in science, development, adaptation, family life cycle.

References

1. *Averincev S. S.* Brak i sem'ya: nesvoevremennyy opyt hristianskogo vzglyada na veshi // *Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal*. 2004. № 4.
2. *Beitson G.* *Ekologiya razuma*. M., 2000.
3. *Bouen M.* O differenciacii «Ya» // *Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal*. 2005. № 2.
4. *Buber M.* *Ya i Ty*. M., 1993.
5. *Varga A. Ya.* *Sistemnaya semeinaya psihoterapiya*. M., 2001.
6. *Vaclavik P., Bivin Dz., Dzhekson D.* *Pragmatika che-lovecheskih kommunikacii*. M., 2000.
7. *Vitaker K.* *Polnochnye razmyshleniya semeinogo te-rapevta*. M., 1998.
8. *Gedueva L. A.* *Sociokul'turnaya adaptaciya rossiiskoi molodezhi k social'nym riskam v sovremennoi Rossii: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk*. Krasnodar, 2007.
9. *Golod S. I.* *Stabil'nost' sem'i: sociologicheskii i demogra-ficheskii aspekty*. L., 1984.
10. *Druzhinin V. N.* *Psihologiya sem'i*. M., 1996.
11. *Kovalev S. V.* *Problemy sovremennoi sem'i*. M., 1989.
12. *Lomov B. F.* *Sistemnost' v psihologii: Izbrannyye psiholo-gicheskie trudy / B. F. Lomov; pod red. V. A. Barabanshiko-va, D. N. Zavalishinoi, V. A. Ponomarenko*. M.; Voronezh, 2003.
13. *Metodologicheskie podhody k formirovaniyu gosudarstvennoi politiki snizheniya sverhsmertnosti i ukrepleniya reproduktivnogo zdorov'ya*. [www.uvao.ru /Demografia/Stol3](http://www.uvao.ru/Demografia/Stol3).
14. *Madanes K.* *Strategicheskaya semeinaya psihoterapiya*. M., 1999.
15. *Minuhin S., Fishman Ch.* *Tehniki semeinoi psihoterapii*. M., 1998.
16. *Omskii forum ru-childfri*; <http://ru.wikipedia.org>.
17. *Orlov A. B.* *Evolyuciya mezhlichnostnyh otnoshenii v sem'e: osnovnye podhody, orientacii i tendencii*// *Magister*. 1996. № 1.
18. *Osnovy psihologii sem'i i semeinogo konsul'tirovaniya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / Pod obsh. red. N. N. Posysoeva*. M., 2004.
19. *Snegireva T. V.* «Drugoi» kak opyt duhovnosti // *Trudy po psihologicheskomu konsul'tirovaniyu i psihoterapii. Vyp. 1. Gumanitarnyye issledovaniya v psihoterapii*. M., 2007.
20. *Toffler E.* *Shok budushego*. M., 2008.
21. *Toffler E.* *Tret'ya volna*. M., 2003.
22. *Chodorou N.* *Vosproizvodstvo materinstva*. M., 2006.
23. *Shikun A. F., Shikun A. A.* *Krizis sem'i*. <http://www.veche.tver.ru/index.shtm?news=11467>.
24. *Habalashvili T. A.* *Psihologicheskie osobennosti otnoshenii v semeinoi sisteme bez detei: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk*. M., 2009.
25. *Harchev A. G.* *Brak i sem'ya v SSSR*. M., 1979.
26. *Eidemiller E. G., Yustickis V. V.* *Psihologiya i psihote-rapiya sem'i*. 3-e izd. SPb., 2002.
27. *Eidemiller E. G., Dobryakov I. V., Nikol'skaya I. M.* *Semeinye diagnoz i semeinaya psihoterapiya: Ucheb. posobie dlya vrachei i psihologov*. SPb., 2003.
28. *Bowen M.* *Family Therapy in Clinical Practice*. N. Y., 1978.
29. *Hanson M., Lynch E.* *Family diversity: implications for policy and practice* // *Topics in early childhood special education*. 1992. V. 12 (3).
30. *Titelman P.* (ed.). *Clinical Applications of Bowen Family Systems Theory*. N. Y.; London, 1998.